

УДК 840(091)

ЛИРИЧЕСКАЯ ПРОЗА АНДРЕЯ МАКИНА

© 2009 г.

С.М. Фомин

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

zarub@lunn.ru

Поступила в редакцию 10.07.2009

Анализируется поэтика лирической прозы наших дней на материале творчества современного французского писателя А. Макина. Отмечаются особенности лирической прозы: сокращение дистанции между автором биографическим и автором произведения, отсутствие традиционного финала, обилие внесюжетных элементов и особый тип пространственно-временных отношений.

Ключевые слова: лирическая проза, автор биографический, внесюжетный элемент, открытый финал, публицистичность.

Сегодня мы стали свидетелями небывалой популярности лирических жанров. Вряд ли можно безоговорочно утверждать, что между исповедальной литературой предшествующих столетий и лирической прозой нашего времени существует прямая преемственность. Однако очевидно, что именно в глубоком прошлом следует искать истоки современной лирической прозы. Ее бурный расцвет в XX веке и продолжающееся доминирование в двадцать первом столетии вызваны прежде всего изменившимися социально-историческими и психологическими условиями жизни.

На страницах периодики то и дело вспыхивают споры ревнителей эпической строгости и сторонников свободы прозаических жанров. Однако писатели, как будто не замечая этой полемики и возражений со стороны оппонентов, продолжают создавать романы и повести, которые, несомненно, относятся к прозе лирической. Среди широкого потока такой литературы последнего времени достаточно назвать блестящие книги Анатолия Гладилина «Улица генералов: Попытка мемуаров» или Руслана Киреева «50 лет в раю: Роман без масок».

В зарубежной литературе значительное место принадлежит лирической прозе. Традиции Пруста, Сент-Экзюпери, Колетт во Франции сегодня углубляют Франсуаза Малле-Жорис, Жан Руо и Андрей Макин.

Писатель с русскими корнями, Андрей Макин стал известен во Франции в 1995 году романом «Французское завещание» (P., Mercure de France, 1995), получившим сразу две самые престижных премии Франции: Гонкуровскую и премию Медичи. Книга А. Макина рассказыва-

ет о трагической судьбе советского мальчика, живущего одновременно в двух временных пластах: советской России, ассоциирующейся с послевоенной разрухой и страданиями жертв Гулага, и «Французской Атлантидой», родившейся в воображении героя под влиянием рассказов бабушки-француженки. История взросления подростка, открывающего для себя мир жестокости и лицемерия, рассказана человеком, в голосе которого легко угадываются авторские нотки. Так же легко мы их распознаем в повестях Валентина Распутина или Виктора Астафьева. Очевидно, что политические, психологические проблемы, одинаково волнующие как русских, так и французских писателей, обозначены ими сходным образом.

Лирический автор пренебрегает проверенной временем и практикой эпической дистанцией. Он отказывается от так называемой «внешней точки зрения» ради того, чтобы оказаться в кругу своих персонажей, разделить их беды и тревоги. Он словно сходит со своей вершины, откуда прежде мог широко обозревать окрестности. В лирической прозе автор прямо называет себя или сливается с одним из персонажей. Однако и в том, и в другом случае эффект прямого авторского присутствия неоспорим. Неискушенный же читатель нередко объединяет это «я» рассказчика с личностью и биографическим опытом создателя произведения. В этом же ключе действует и Андрей Макин. Он иногда сливается почти полностью с рассказчиком, как это было в первом его романе «Французское завещание», иногда избирает традиционный ход: скрывается под вымышленным именем,

как в последней своей книге «Жизнь неизвестного человека» (Р., Seuil, 2009). Но, как бы то ни было, голос автора биографического всегда слышится в голосе автора «концепированного» [1, с. 4]. В последнем романе А. Макина слияние этих двух авторских ипостасей почти полное. Художник всячески подчеркивает свое сходство с героем романа Шутовым, прежде всего открытым заимствованием биографического опыта. Он тоже писатель, который воспитан на лучших образцах русской прозы предшествующих эпох, чувствует себя не просто ремесленником, но и неким «мессией», призванным к исправлению и улучшению человеческих нравов. Вот почему так неуютно живется во Франции писателю Шутову, который наблюдает, как очевидно открыто попираются заветы горячо любимых им великих Толстого, Пушкина, Чехова и Шолохова (само заглавие романа – очевидная отсылка к «Судьбе человека»). Следует заметить, что французское заглавие *La vie d'un homme inconnu* на русский язык может быть переведено и как «Жизнь неизвестного человека», и как «Судьба неизвестного человека»). К тому же на проблемы художественного свойства накладываются и проблемы личного плана: «кризис» сорокалетнего человека и неудачная любовь. Очевидно, что в романе «Жизнь неизвестного человека» автор отказывается от преимуществ «всезнающего автора» и начинает писать только о том, что способен охватить его взгляд в короткий (для истории) промежуток времени на ограниченном художественном пространстве. Это неизбежно ведет не только к сокращению дистанции между автором и материалом, но и к сужению эпического ракурса видения. В своем творчестве А. Макин жертвует эпичностью с целью расшевелить, заинтересовать и взволновать читателя, которого приучили к беспроблемности так называемой «массовой литературы».

Лирическая проза начинает тяготеть к изображению предельно конкретного, четко очерченного пространства. В. Солоухин ведет нас только владимирскими проселками, с Русланом Киреевым мы путешествуем по местам заповедного Крыма. Со страниц Антуана де Сент-Экзюпери дует иссушающий ветер пустыни, а в романе Андрея Макина органично совмещены два дорогих русскому читателю «хронотопа»: Париж и Ленинград-Санкт-Петербург. Однако никто из мастеров лирической прозы не ограничивается географически определенной средой. Расширяется психологическое пространство их произведений. Дороги Сахары и срединной России, мир французской столицы и замер-

зающего в войну Ленинграда оказываются связанными общностью человеческой взаимовыручки, доброты и сострадания. Так же поступают авторы и с художественным временем. Предельно конкретное, привязанное нередко к конкретным датам сегодняшней жизни, оно всегда имеет проекцию в прошлое и будущее. Мастер лирической прозы получает право на подачу материала с места события, что неизбежно ведет к использованию элементов репортажа, очерка, интервью, к подчеркнутой публицистичности художественного текста. В последнем романе Макина автор практически повествует о событии вчерашнего дня – праздновании трехсотлетия Санкт-Петербурга. Мелькают знакомые имена политиков, узнаваема и топография шумных торжеств. Лейтмотивом звучит голос с экрана, эти события комментирующий. Текст постоянно перебивается назойливой рекламой. При этом в лирической прозе неизменно присутствует поэзия первооткрывательства, что не может не импонировать читателю.

Особый ракурс видения, свой способ подачи материала вызывают изменения сюжета лирического произведения. Его фрагментарность – почти обязательный признак. За это лирическая проза и подвергается нападкам со стороны критики. С нашей точки зрения, это незаслуженно. Свободное, даже на первый взгляд произвольное построение сюжета является конструктивным принципом прозы лирической. Так, Анатолий Гладилин признается, что предложенные им в «Улице генералов» эпизоды могли бы быть заменены на другие («Просто так вспомнилось...»). Руслан Киреев мог бы рассказать читателю о встречах с другими, не менее интересными персонажами. А. Макин мог бы ввести в текст романа «Жизнь неизвестного человека» более полный список высокопоставленных гостей праздника в Санкт-Петербурге.

В ткань лирического романа или повести почти обязательно входят разного рода внесюжетные элементы: лирические отступления, цитаты, самоцитаты, афоризмы. Встречаются они, разумеется, и в традиционных эпических произведениях. Однако там у них иная функция: они строго подчинены общему замыслу и сюжетному единству. В лирической прозе у них, очевидно, большая свобода и иная цель. Внесюжетные элементы «цементируют» сюжет, превращают конгломерат разрозненных эпизодов в цельное художественное произведение. «Французское завещание» изобилует внесюжетными элементами. В произведение вводятся цитаты из исторических документов, туристических справочников, старых газет. Достаточно для большей убе-

длительности вслед за А. Макиным привести меню царского обеда в Шербуре: Potage, Bisques de crevettes, Truite de Loire braisée au sauternes, Filet de Pré-Salé aux cèpes, Cailles de vigne à la Lucullus, Poulardes du Mans Combacérès, Granités au Lunel, Punch à la Romaine, Betteraves et Ortolans truffés rôtis, Pâtés de foie gras de Nancy, Salade ; Asperges en branches sauce mousseline, Glaces Succès, Dessert [2, с. 46].

Если в классической литературе автор стремился представить свой жизненный опыт опосредованно, то голос современного художника все более отчетливо звучит в жанрах лирической прозы. Он входит в свое произведение как лирик: атрибутами своей жизни, узнаваемыми чертами личности, уже привычными для читателя приметами. Он не стыдится монотонности собственной лирической интонации, неизбежного повтора некоторых тем. Он не сомневается только в том, что его биографический опыт становится «необходимым смысловым ключом, источником обогащающих ассоциаций» [3, с. 6]. Так, Андрей Макин, который неохотно делится историей собственной жизни, все же открыто заимствует из неё для своего последнего романа те факты, которые хорошо известны читающей публике. Он скандально остался во Франции в 1988 году, когда сотрудники КГБ еще имели безграничное влияние в стране. Они сделали все, чтобы вернуть молодого преподавателя русского языка на родину. Думается, что они бы действовали еще решительнее, если бы догадывались, какой опасный идеологический противник уходит от их зоркого ока. Далее будут трудные и долгие попытки А. Макина обосноваться во Франции, издать свои книги, неожиданный успех и путь к славе. Будет и переосмысление своего отношения к благам западной цивилизации, усиление критической ноты от романа к роману: от преклонения перед Францией во «Французском завещании» к очевидному неприятию современной французской цивилизации в «Реквиеме по Востоку» (Р., Mercure de France, 2000) до спокойной констатации деградации Запада в «Жизни неизвестного человека». Устав от личных проблем и подковерной борьбы с коллегами и издателями во Франции, А. Макин, скрывшись под маской писателя Шутова, оказывается в Санкт-Петербурге, который покинул двадцать лет назад. Попытка вернуться к истокам, надежда на то, что первая любовь станет спасательным кругом, оборачиваются фиаско. Все это послужит поводом для серьезных раздумий об экзистенциальных проблемах, которые сегодняшняя литература стремится не затрагивать. Так не-

ожиданно факты частной биографии становятся мостиком к блокаде Ленинграда, которая описана с мастерством, достойным преемника великих русских гениев: Достоевского и Толстого.

Свойственное лирической прозе отношение к фактам частной биографии определяет и такую ее важную черту, как отсутствие финала в традиционном понимании этого термина. Биографизм предполагает возможное продолжение диалога с читателем, потому что всякий предшествующий факт жизни писателя может послужить предлогом для дальнейшего разговора об обществе и человеке. «Последний поклон» В. Астафьева закрыл лишь первую главу из жизни художника, и никого не удивило бы продолжение этой волнующей и правдивой истории. Очевидно, что Анатолий Гладилин продолжит свою «Улицу генералов», потому что, как справедливо заметил Василий Аксенов в послесловии к роману, «Анатолий Гладилин уже овладел жанром и может работать с ним без конца». Отмечает он также и специфику лирической прозы: «...отступление наплывает на отступление, то и дело появляются любопытные мысли и расширяют картину» [4, с. 316–317]. Прозе А. Макина также свойственен открытый финал. «Французское завещание» предполагало продолжение, и в 2006 году художник издал роман «Земля и небо Жака Дорма», который обозначен А. Макиным как сборник отвергнутых цензурой «Французского завещания» отрывков. Главный герой «Жизни неизвестного человека» не знает конечной цели своего путешествия.

Многоликой лирической прозе наших дней свойственно одно общее качество – настойчивое и открытое стремление к идеалу. Она открыто показывает трудности этого пути. Ее парадокс – парадокс личного понимания морали, выработанной многовековой гуманистической традицией. Наш век ощутил это особо остро. Автор лирической прозы не боится принять на себя всю ответственность за происходящее. Отсюда и повышенный интерес к лирической прозе со стороны читателя. Очевидно, что проблема лирической прозы – это проблема не жанра, но рода, то есть отношения художника к миру. Эту истину иллюстрирует проза Андрея Макина. Об этом он рассуждает, в частности, в интервью журналу «Экспресс» от 29 января 2009 года: «Литература только тогда обретает смысл, когда дает возможность высказаться обыкновенным людям» [5, р. 62], к которым автор «Французского завещания» относит и себя самого.

Список литературы

1. Корман Б.О. Литературоведческие термины по проблеме автора. Ижевск. Изд-во Удмуртского госуниверситета, 1982. 20 с.
2. Makine A. Le testament français. P., Mercure de France, 1995. 343 p.
3. Гинзбург Л.Я. О старом и новом. Очерки и статьи. Л.: Советский писатель, 1982. 423 с.
4. Аксенов В. Послесловие к книге Анатолия Гладилина, или Наш ответ Франсуазе Саган // Гладилин А. Улица генералов. Попытка мемуаров. М., 2008. 320 с.
5. L'Express du 29 janvier 2009. 114 p.

LYRICAL PROSE BY A. MAKIN*S.M. Fomin*

The paper deals with the problem of modern lyrical prose (Andrey Makin being the main example). The most characteristic features of this narrative are 1) the author (as a biographical person) tends to be the same as the narrator; 2) the narration has no traditional end; 3) the narration is filled with details that seem to have no connection with the plot; 4) unusual images of time and world.

Keywords: lyrical prose, biographical author, opened end, out-of-plot elements, newspaper style.